

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
BY THE NAME OF R. B. SULEIMENOV
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Yu. A. Zuyev
Early Turks
essays of History
and Ideology

Almaty "Daik-Press" 2002

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМЕНИ Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ю. А. Зюев
Ранние тюрки:
очерки истории
и идеологии

Алматы "Даик-Пресс" 2002

“КАЗАХСТАН И СТРАНЫ ВОСТОКА”

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Раздел I. Юэчжи. Усунь. Канцзюй	13
Юэчжи	20
Абзюй (Яньдай)	48
Урбе-кыпчак	63
Канцзюй	90
Канцзюй на востоке	102
Кимеки Внутренней Монголии	110
Кимеки на Иртыше. Общность	126
Хэйчэцзы	136
Тюрешши и Канг	143
Согдак, Кюнтю, Тарбан	157
Раздел II. О тюркском манихействе	179
Кыргызы	236
Байар	256
Приложения	262
Китайские известия о Суйабэ	262
Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте V III века	278
“Джэми ат-таварих” Рашид ад-Дина как источник по ранней истории джалаири	291
Сиглы памятников	298
Список сокращений	299
Библиография	301
Туйин	333

Зуев Ю. А.

З 93 Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 338 с. + вкл. 12 с.

ISBN 9985-441-52-9

Ранние тюрки — это история последовательной трансформации этнических массивов (юэчжи-“тохарского” и иранско-тюркско-монгольского) от последних столетий до н. э., средневековья и вплоть до нового времени.

На материале книги можно проследить как, видоизменяясь, “передавались по наследству” элементы космогонических представлений и культурных традиций этих народов.

Известный ученый-синолог, знаток многих восточных языков, предупреждает не просто повествование, а богатое “приключенными мыслями” путешествие-реконструкцию во времени, пространство и названиях древних кочевых племен.

Не только ученые, но и внимательные читатели будут щедро одарены тем, что всю жизнь скрупулезно собиралось и накапливалось автором.

З 0503020000
00(05)-02

ББК 63.3(2)

.012330018

ББК 63.3(2)
З.93

MAIN

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"КАЗАХСТАНСКИЕ ВОСТОКОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ":

И. Н. Тасмагамбетов (председатель)

М. Х. Абусеитова (зам. председателя), Ю. Г. Баранова,

Б. А. Казгулов, Б. Е. Кумеков, К. Т. Талипов

(Казахстан);

Р. Г. Мукминова (Узбекистан);

С. Г. Кашторный (Россия);

А. М. Хазанов (США);

Винсент Фурнье (Франция)

6.25.04
32

З 0503020000
00(05)-01

ББК 63.3(2)

ISBN 9985-441-52-9

© Зуев Ю. А., 2002
© Издательство "Дайк-Пресс",
оформление, 2002

D526

Z84

2002

main

ОТ АВТОРА

В исторической науке бытовало и достаточно широко судят в наши дни пришедшее из древней мифологической традиции представление о происхождении народа во времена рождения его генеалогического первопредка.

Такое представление уцелело во многих отношениях прежде всего потому, что всегда создавалось и культивировалось господствующей (династической) группой и отражало в лучшем случае его собственный генеалогический миф, который порой не имеет никакого отношения к предшествовавшей истории подвластного народа или племени. Примеров тому множество.

В известной версии монгольского генеалогического мифа, сохранившейся в труде Рашид ад-Дина "Джами ат-таварих" и отражающей раннюю историю династии киян (кыит) Чингиз-хана, целиком присутствует заключительный этап истории отузских кимеков-кыянов долины реки Аргунь на восточных склонах Большого Хингана, идеологическая традиция которых восходит к юэчжийской.

Идеологические общности относятся к разряду "великих консервативных сил". Они менее динамичны, нежели этнические, не тождественны им и могут сохраняться даже при смене этноязыкового пласта. Последнее обстоятельство – характерная черта истории народов Центральной Азии и всего евразийского региона. Подавляющее большинство ранних племенных объединений Центральной Азии было полиэтничным. Верховное положение крупного господствующего племени в рамках таких объединений делало его язык престижным: на нем отдавались распоряжения, проводились ежегодные собрания "для подсчета людей и скота" и т. д. В принципе, это был язык межплеменного общения. Его роль значительно усиливалась в случае завоевания такого объединения приливым коллективом, что само по себе создает ситуацию, наиболее благоприятствующую активизации этого процесса. Зато возможен и другой исход: ассимиляция местным этноязыковым субстратом пришлого суперстрата, давшего новое имя и завоеванному народу, и его языку.

Связанные с этим исторические парадоксы встречаются довольно часто. Примерно в III в. до н. э. правительница большого восточно-иранского племени юэчжи присоединила к числу своих владений жившее в верховьях реки Хуанхэ племя дася (тохар). С этих пор "царьинское" племя юэчжи стало называться дася-юэчжи ("большие юэчжи"), а дася-тохары – сяо-юэчжи ("малые юэчжи"). Вместе они назывались просто юэчжи. Ученый и переводчик V столетия монах Кумараджиива при переводе буддийских текстов на китайский язык слово тохар переводил китайским юэчжи. В середине II в. до н. э. юэчжи становятся главной силой так называемого "шторма Бактрии". В свою очередь, античные авторы сообщают, что завоевателями Бактрии были племена асиев и тохаров. Бактрии же стала называться страной Дася, т. е. Тохаристаном, а язык жителей этой страны стал называться "тохарским". В связи с этим известный ориенталист, датский ученый Стэн Конов одну из своих работ даже назвал "Были ли "тохарский" язык действительно тохарским?". Добавим,

что тохары киданьского государства на территории Маньчжурии говорили на протомонгольском языке, средневековые тохары (дюер) будучей Туркмении говорили по-отузски, а тохары (дюер) Северного Кавказа изъяснялись по-алански. Между тем их идеологические традиции во многом оставались сходными.

О преемственности идеологических традиций и пойдет речь в этой книге.

В китайских записях древнетюркских генеалогических преданий представлена представлявшая история династийного племени ашина (хот.-сак. -asseiñ "синий", "голубой"), ставшего династийным в Первом и Втором тюркских каганатах. Ни название династийного племени, ни имена исторических основателей Тюркского каганата – Бумын и Эйтими – тюркскими не являются.

Много лет я старался объяснить это явление табуацией собственно тюркских сакральных имен и стремлением замечать их иноязычными эквивалентами. Это внешне благополучное умозрительное заключение было опубликовано не раз: оно не вызвало ни печальных, ни устных нареканий, но конкретного ему подтверждения обнаружить в письменных источниках пока не удалось.

"Чистых" этносов не бывает. В этом убеждает обращение к ранней истории многих народов.

Подобные сюжеты широко известны. Французы получили свое название от имени германского племени франков. Основатели Русского государства скандинавы-варяги (норманы) создали династию Рюриковичей в Киеве и дали восточным славянам скандинавское название Русь. Не миновало такой судьбы и Срединное государство (Чжун го), известное, например, под не китайскими названиями Табгач и Китай (протомонгольское, киданьское). Для Срединного государства, роль которого в истории мировой культуры вообще, и народов Евразии в частности общезвестна, это явление характерно особенно.

Обратим внимание на влияние иноземного фактора в истории Китая. Основателями и династами государства Чжоу (XI в.

до н. э. – 256 г. до н. э.) в Китае считаются иноземные племена; династия Хань (Ранняя Чжао, 304–328 гг.) была основана северным кочевым племенем сюнну; династия Поздняя Чжао (319–325 гг.) основали племена цинцзюй, имеющие отношение к среднеазиатскому Канту; династия государства Западная Цинь (388–431 гг.) была сыньбийской (их речь – прототюркской и протомонгольской); а основателями династии и государства Раннее Янь (333–370 гг.) были выходцы из племени мужун (из Приамурья и Маньчжурии). Они же были династами в государствах Западное Янь (384–394 гг.) и Южное Янь (398–410 гг.). Государство Южное Янь (397–414 гг.) основали сыньбийцы из племени туфа (“косоплаты”, коса которых считалась лестницей на Небо), а государство Ся (407–431 гг.) – сюнну; династами государства Дай (Северное Вэй, 386–530 гг.) были сыньбийцы-тоба (табгач); династия Северная Ци (550–577 гг.) была бохайской (племена Приморья); династия государства Позднее Тан (923–956 гг.) была представлена тюрками-шато (западные племена чигили); государство Лю (907–1125 гг.) было киданьским (кытайским), Цзинь (1115–1234 гг.) – чжурдженьским. Династия Юань (1260–1404 гг.) была монгольской, а Цин (1644–1911 гг.) – маньчжурской.

Свидетельства подобного рода имеют несомненную устно-историографическую (например, родословие-шежере) и литературную ценность, они уникальны, но служить единственным ориентиром в этнологических исследованиях не могут. В большей мере они важны для изучения процесса становления государственности в разных областях Центральной Азии.

В этнологических языковых существует и применяется ряд других методов. К сожалению, каждая из них несовершенна; не разработана и методология историко-этнологической науки в целом.

Прежние марксистские определения наиболее значимых категорий оказались несостоятельными и потому отвергнуты, а новые еще не сформулированы. Они необходимы для понимания такого многоаспектного в историческом, этногенетическом и эколого-

географическом планах массе, как Центральная Азия. Неразрывно связанные между собой понятия – политогенез, этногенез, культурогенез, идеогенез – далеко не всегда наложены конкретным содержанием и обязательными критериями. Неясно, в чем причины сходства (вплоть до терминологического) разноречивых идеологических систем, разделенных в пространстве и времени? До какого хронологического потолка действует интерция идеологической преемственности? Где же проходит грань между стадийностью исторического процесса и конвергентностью?

Даже на толщину этих вопросов невозможно ответить в рамках одной, пусть даже самой умной книги, так как имеющийся письменный материал ничтожно мал или по разным причинам недоступен.

В древних летописях и произведениях порой встречаются внешне вроде бы никчемные фразы и сообщения, не имеющие прямого отношения к тексту и не представляющие никакой ценности. Но беспощадная цензура тысячелетий через свое строгое сито не пропускает ничего малозначительного. Приведу пример. Махмуд Кашгарский передает имевший хождение в его время (XI в.) рассказ о дождевой туче за Ходжентской рекой, прошедшей потоки воды на землю и грязь, которая оказалась непроходимой для войска Александра Македонского. Легендарный вопитель воскликнул в недоумении: “Что это за грязь? Мы никак не можем выбраться из нее!” – и приказал возвести здесь строение, в котором поселились чигили. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что это – мнемоническая закодированная информация о первом этапе распространения манихейской религии в тюркском мире. Возносясь к Свету (стране богов), праведная душа манихейца омывается в дождевой туче, смывает весь земной грех, который вместе с дождем падает на землю и образует грязь. Грязь-материя, смещение Света и Мрака и есть та субстанция, из которой порождается земной человек, а “строение” – это “школа”-молельня юных послушников-манихеев.

Изложить в доступной мне логической последовательности часть такого материала я попытался в предлагаемых очерках.

В качестве субстратного (исходного) выбран доступный по письменным источникам (в основном китайским, систематическое изложение исторических известий о наиболее древних народах на севере и западе от Великой китайской стены собраны именно в них) исторический материал о племенных объединениях-“государствах” Юэцжи, Усунь и Канцзюй, который сосредоточен в I разделе книги.

Как обнаружилось в ходе ряда лет исследования, юэцжи и усунь не два разных объединения-“государства”, а изначально одно, с двумя разнотипными половинами и с двумя противоположающимися частями единого космоидеологического комплекса “Солнце-Луна”. Это было гинекратическое государство лунного рода юэцжи (ути, ати, аси), основанное на материнской форме семейной общины и соответствующего принципа наследования, в том числе династического. Кризис этой формы и вызвал выделение усуней (асманов), с формой семьи переходной к патриархальной. Это “братская семья” с принципом наследования “старший брат – младший брат (по линии матери) – племянник (по женской же линии, сын старшего брата)”, т. е. принципом совмещения в наследовании мужской и женской линий.

Более подробная характеристика этой формы семьи дана в параграфе “Солдак, Кюнтю, Тарбан”, где говорится, в частности, что острый ее кризис, вызванный попыткой перехода к чисто патриархальному (каганскому) моноправлению, породил гражданскую войну в Восточнотюркском каганате в начале VIII в. Это и было главной причиной создания разнопозиционных по своему содержанию и направленности больших древнетюркских рунических надписей Монголии.

Построение текста и содержание очерков объясняется идеей явной *идеологической преемственности*; она прослеживается со времен первых письменных известий о племенах юэцжи и канцзюй (II в. до н. э.). Очерки о племенах или объединениях – идеологи-

ческих воспреемниках – органициваются задачей выяснения идеогенеза как важнейшей части куьтурогенеза, их нельзя считать этногенетическими. Это лишь материал для таковых.

Основные персонажи юэцжиской мифологии (с частичным сохранением имен) встречены в пантеоне Ындыай (Абзюй), кыпчаков, тюрков-огузов и тюрков-аштаков. Сделана попытка реконструкции объединения-“государства” Канцзюй (Кангха, Кюнтю, Канг и др.), вероятными идеологическими наследниками которого выступили кангиты, ханга-кыши, азкыши, имекы, канглы. Субстратной этнополитической основой Тюркешского каганата являлась юэцжи-канцзюйская. Это было новое государство, а не продолжение истории Западнотюркского каганата.

Такое построение материала – не по политическому, этническому или иному признаку, а лишь по принципу идеологической преемственности – не самоцель и не потона за оригинальностью, а способ установить ее каналы от последних веков до нашей эры и вплоть до нового времени.

Второй раздел очерков назван “О тюркском манихействе”, я рассматриваю его как опыт системного изложения материала о внедрении и распространении этой мировой “религии Света” в тюркской Степи VI-X вв. Сравнительная легкость и безболезненность восприятия этого вероучения в значительной мере объясняется тем немаловажным обстоятельством, что оно принимало в свою доктрину все рациональное в содержании местных куьтуров. В ряде случаев она обеспечивалась формальным совпадением местного куьльта с религиозным. Например, юэцжиские по происхождению представления о Луне, Млечном пути (Древе жизни) и Драконе имели соблазнительное для вывода об их идентичности манихейским символам сходство.

На первых порах его проповедниками были торговые судьи, главные функционеры на Великом торговом пути, многочисленные дороги которого пронизывали весь континент, вплоть до берегов Тихого океана. Торговля способствовала религиозной проповеди, а последняя становилась верной помощницей торгов-

ли. Принятие манихейства верхушкой большинства тюркских племен означало их приобщение к хозяйственным и культурным связям в масштабах континента.

Некоторые положения книги были опубликованы; они замечены в научной и периодической печати.

В процессе работы над очерками большую помощь в подборе необходимой литературы по теме, в работе над текстом и в написании некоторых его разделов оказала мне научный сотрудник Института востоковедения НАН К. У. Торамбаева.

Высококвалифицированное деловое участие в подготовке рукописи к печати принимали работники издательства "Дайк-Пресс".

Инициативная роль в написании очерков принадлежит директору Института востоковедения НАН, профессору М. Х. Абусеитовой, без активного содействия которой они бы не смогли увидеть свет.

Пользуясь случаем, приношу всем искреннюю благодарность и признательность. Особенно благодарен я буду читателю, который, взяв в руки эту небольшую книгу, прочтет ее до последней страницы и при этом не подумает, что зря потерял время.

Техническое замечание. В основу данной книги легли известные, содержащиеся в китайских письменных источниках. Индексом С в книге обозначен Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах, составленный коллективом китайцев под руководством и редакцией профессора И. М. Опанина, изданный в Москве в 1983-1984 гг. Следующие за ним цифры – номера словарных гнезд. За ними следует транскрипция современного звучания иероглифов по данному словарю. Латинскими буквами в скобках приведено их же среднекитайское звучание по Кадгену В. *Grammata Serica Recensa*. Reprinted from the Museum of Far Eastern Antiquities, Bulletin 29. Stockholm, 1957.

ЮЭЧЖИ, УСУНЬ, КАНЦЗЮЙ

До конца III в. до н. э. доминирующей силой в восточной части Евразии было объединение- "государство" кочевых и полукочевых племен под главенством племени юэчжи. Границы этого объединения можно очертить лишь условно. Судя по глубоким свидетельствам более позднего времени, его юго-восточными пределами было левобережье реки Хуанхэ от верховьев до поворота северной излучины на юг. Дальше граница шла на север, охватывая западный и восточный склоны Большого Хингана. На его северной оконечности она поворачивала на запад – от Северной Монголии и Южного Прибайкалья на Саяно-Алтайское нагорье. В его состав входили племена разного происхождения, различного этноязыкового и антропологического облика и неодинакового культурно-хозяйственного состояния. Коренными территориями самих юэчжи были земли от гор Наньшань – на юге, до Алтая – на севере.

Память о юэчжи на Алтае сохранилась в виде группы больших Пазырыкских курганов, богатейший погребальный инвентарь которых вот уже несколько десятилетий остается предметом

исследования ученых разных специальностей. Хронологически первые из них датируются V в. до н. э. Появление юэчжи в этом регионе, по данным лингвистики, относится ко времени не позже VII–VI вв. до н. э. Другие ученые, считая их тохарами и судя по архаичности многих элементов в языке памятников тохарской письменности (конец I тыс. н. э.) в Восточном Туркестане, склонны относить начало их передвижения из Передней Азии на восток ко II тыс. до н. э. Их присутствием объясняется качественное и резкое изменение в искусстве эпохи бронзы и внедрение колесного транспорта в самом Китае в эпоху Инь (XIII–XI вв. до н. э.). Этим же объясняется появление в Китае культуры иноземной богини Си-ван-му “Матери-царицы Запада”, обитавшей на вершинах гор Куньлунь.

Юэчжи-пазырыкцы были преимущественно европеоидами по антропологическому типу (рис. 1). Представители центральноазиатских монголоидов составляли меньшинство. Представителями монголоидного расового типа считались сюнну, племена которых начинали консолидироваться и угрожать границам Китая, оставаясь при этом в политической зависимости от юэчжи. Независимо, в чем именно выражалась эта зависимость. Летопись сообщает лишь о системе заложников от зависимых племен при орде юэчжийского правителя. Таким заложником был Маодунь, сын первого правителя сюннуских племен Тумани. Летописец так объясняет причину отправки Маодуня к юэчжи: Тумань-шаньюй не хотел, чтобы его сын Маодунь наследовал ему и владел троном верховного правителя-шаньюя. Наследником он хотел видеть другого сына и от другой его супруги, которую любил. Чтобы избавиться от притязаний Маодуня на трон, он отправляет его к юэчжи и сразу объявляет им войну, в уверенности, что сын-претендент будет там убит. Во время сражения Маодунь возвращается к сюнну, убивает отца и объявляет себя шаньюем [Сыма Цянь, гл. 110, с. 1032–1033, л. 76–8а; Таскин, 1968, с. 38]. О нападении Тумани на юэчжи сказано только в этом тексте, но его могло и не быть. Кроме того, известно, что для создания видимой легитимности своего права на

трон, Маодунь после убийства отца женился “на матерях”, т. е. женах Тумани [Сыма Цянь, гл. 99, с. 965, л. 4а]. Вызывает сомнение причинная обусловленность череды поступков, тогда больше для бродячего сюжета, чем для летописной оценки этих событий. Но суть их заключается в том, что сын не имел права наследовать непосредственно отцу в принятии верховного престола. “У хуннов, – писал Н. Я. Бичурин, – престол передавался более родным братьям и племянникам от родных братьев” [Бичурин, I, с. 99, прим. 2].

В 201 г. до н. э. Маодунь-шаньюй после одержанных побед над “восточными варварами” (дунху) решился лишь “напасть на западе на юэчжи и прогнать их”. При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех “северных варваров”, а на юге образовали государство, “равное по силе Срединному государству”. Через 25 лет (176 г. до н. э.) Маодунь горделиво сообщил императору Хань: “...Благодаря милости Неба ко-мандиры и воины были в хорошем состоянии, а кони сильные, что позволило мне уничтожить юэчжи, которые были истреблены или сдались. Я усмирил [также] Лоулань, Усунь, Хуцзе и 26 других соседних владений, которые все стали принадлежать сюнну” [Сыма Цянь, гл. 110, с. 1035–1036, л. 136–14а; Таскин, 1968, с. 43]. Через 127 лет (49 г. до н. э.) эта победа была приписана Лаошану в летописном описании заключения култового договора между сюнну и Хань: “Используя как чашу череп правителя юэчжи, разбитого Лаошан-шаньюем, они выпили вино в знак заключения договора, скрепленного кровью” [Бань Гу, гл. 94б, с. 1131, л. 6а–б; Таскин, 1973, с. 38].

Конская узда юэчжийского воина из Пазырыка украшалась подвесками с изображением поверженных врагов – монголоидов сюнну (рис. 2). Теперь сюнну из черепа убитого юэчжийского предводителя пили култовое вино, смешанное золотой ложкой с кровью жертвенного белого коня [Кушторный, Савинов, 1998, с. 169–171]. Это был удар, после которого об “империи” Юэчжи не могло быть речи.

Вероятно, трагическое поражение тех лет и следует считать причиной массового перемещения юэчжйских племен на запад. Но переселение не было тотальным. Значительная часть юэчжи как коренных мест, так и юэчжи северного пояса осталась на прежних местах, но по отношению к ним *этноним юэчжи* больше не упоминается.

Для сюнну разгром и покорение кочевого соседа означали не занятие новой *территории*, а единовременный акт грабежа (прежде всего скота и женщин) и установление даннических отношений, с включением побежденного войска в свой состав, присутствие побежденного вассала на ежегодных съездах, где велся "подсчет людей и скота", принятие *политонима* сюнну. Последнее обстоятельство могло послужить надежным цитом в случае внешней опасности, но порой является барьером для современного исследователя, готового принять за *сюннуские* все этнокультурные комплексы от Хингана до Наньшаня. Приведем показательный пример. В 7 г. до н. э. при императорском дворе созрел план: под надуманным предлогом "выравнивания границ" изъять у сюнну благоприятные юэчжйские земли с центром в Чжаньсе. Шаньюй ответил: "На упомянутых землях живет [караульный] правитель Оуто из племени *вэнь* (хвар), я же не знаю ни о их расположении, ни о том, что они производят. Позвольте отпраздновать гонца узанать об этом". Получив нужные сведения он сказал ханьцам: "Я узнал от [караульного] правителя Оуто из племени *вэнь* (хвар), что все *сюннуские* (!; юэчжйские) князья, живущие на западе, при изготовлении юрт и повозок пользуются лесом с гор, лежащих в этих землях, к тому же это земли его прежних отцов, и он не смеет лишать их" [Бань Гу, гл. 94б, с. 1134, л. 136-435, л. 14а; ср. Таскин, 1973, с. 46].

Цитированные строки дают достаточное представление о рамках зависимостных отношений. В этом конкретном случае они ограничены понятием *оуто*, означающим обязанность быть "караулом" и барьером на пограничном рубеже, принимать

авангардное участие в военных операциях сюэзерена. В глазах шаньюев юэчжи были и остались "малым государством на западной границе сюнну".

Чжан Цянью. Объединение сюнну было главной военной опасностью для империи Хань, и императорский двор настойчиво искал союзника для борьбы с ним. Потенциальными союзниками в этой борьбе он считал юэчжи. Посланный с целью заключить с ними союз, Чжан Цянью вышел из местности Луцзи на восточной оконечности провинции Ганьсу, но напавшись он не на запад, а на север. Верховный правитель Цзюньчаньюшаньюй, допрашивая тут же взятого в плен ханьского посла, сказал ему: "Юэчжи находятся от нас на севере. Как же может Хань направлять [через нашу страну посла]? Если бы мы вознамерились послать гонца к Юэ (на крайнем юге по отношению к Хань), то разве Хань разрешила бы это нам?" [Бань Гу, гл. 61, с. 749, л. 16; Крюков, 1988, с. 240]. Разумеется, это — китайская интерпретация вопроса, изложенная самим Чжан Цянью, но смысла ее однозначен: он шел на север.

Чжан Цянью пробыл в плену 10 лет. Он натурализовался, женился и имел сына, но не забыл о цели своего путешествия и сохранил посольский бунчук. При случае он бежал и смог продолжить путь, начатый десятилетие назад. Его путь пролегал Северной дорогой через перевал Терекдаван в Ферганскую долину (*кит. Давань, Даюань*), далее в Канлху (*кит. Канцзюй*) и, наконец, в Бактрию, где в это время уже обитали бежавшие юэчжи. Об их предшествовавшей истории он уже имел представление, полученное во время своего пребывания у сюнну. Эти знания отражали сюннуское видение прошлого, видение победителя. Вернувшись через двенадцать-тринадцать лет на родину, он подробно рассказал обо всем увиденном и о нежелании среднеазиатских юэчжи выступать против сюнну. О государстве Усунь, которое было в стороне от маршрута путешествия, он рассказал: "Живя среди сюнну, Ваш слуга слышал, что царя усуней именуют Хуньмо. Отец Хуньмо, по имени Нандоу-ми вначале жил

совместно с большими юэчжи между горами Цзянь и Дуньхуаном, они составляли малое государство. Большие юэчжи напали и убили Наньдоу-ми и захватили его земли, а его народ бежал к сюнну. Его сын Хуньмо только что родился, и наставник Бүзю-сихоу бежал с младенцем на руках. Он положил его в траву и отправился искать пищу. Вернувшись, он увидел, что волчица кормит [младенца] молоком, а ворон с мясом в клюве летает рядом. Решив, что это бог, он взял его и вернулся к сюнну. Шанью полюбил и воспитал [Хуньмо]. Когда же [Хуньмо] возмужал, он отдал ему народ отца и отправил возглавлять войска. [Хуньмо] несколько раз имел успех. В это время большие юэчжи, уже разбитые [войсками] сюнну, напали на западе на царя [народа] сэ (сак), который бежал на юг и переселился в дальние края. Юэчжи стали жить на его землях. Хуньмо был в расцвете сил и сам спросил у шаньюя разрешения отомстить за своего отца. И тогда на западе он напал и разбил больших юэчжи. Большие юэчжи снова бежали на запад и переселились на земли Дая. Хуньмо захватил его народ и обосновался там, [после чего] его войско усилилось. А когда шаньюй умер, он не захотел более служить династии [шаньюев] сюнну. Сюнну отправил войско на усуней, но оно не имело успеха: считая его богом, войско удалилось. Ныне шаньюй испытывает новые трудности в отношениях с Хань, а [прежние] земли Хуньмо пустыют. Варвары мечтают о возвращении на прежние земли и к тому же охочи до ханьских товаров. Если, используя такое время, щедро одарить усуней, то склоним их переселиться на восток для проживания на прежних землях Хуньмо. [После этого] пошлем принцессу и установим братские отношения. Станем держать их, и они будут слушаться. Этим мы отрубим правую руку (т. е. Правое крыло, Западный край) сюнну" [Бань Гу, гл. 61, с. 750, л. 4а-б; Крюков, 1988, с. 232, 227-228].

Текст Мизнеописания Чжан Цяня является основным для характеристики самого раннего этапа юэчжи-усуньских отношений. Именно это Мизнеописание, помещенное в 61 гл. "Истории династии Хань", послужило основой для реконструкции утрачен-

ного вскоре после смерти Сыма Цяня Повествования о Давани в "Исторических записках" [Крюков, 1988, с. 229-230]. Реконструкция утраченного текста была произведена с погрешностями и некоторыми изменениями, меняющими смысл. Например, слова "большие юэчжи напали и убили Наньдоу-ми" изменены: "сюнну напали и убили его отца" [Сыма Цянь, гл. 123, с. 1140, л. 96]. Эта замена, как будет показано, совершенно искажает картину внутренних отношений в дунно-солнечном правлении государства юэчжи и усуней. Читатель, не имеющий доступа к китайскому оригиналу, вынужден ограничиваться искаженным текстом [см. Бичурин, II, с. 155] и думает, что речь идет о нападении сюнну на усуней. Слова "Отец Хуньмо по имени Наньдоу-ми в начале (или: "изначально", "по корню"; кит. бань) жил вместе с большими юэчжи между горами Цзянь и Дуньхуаном, они составили малое государство" изменены до неузнаваемости: "Отец [этого] Хуньмо был [предводителем] малого государства на Западной границе сюнну" (ср. Бичурин: "Отец сего Гуньмо имел небольшое владение на западных хуннских пределах"). Слова "Бүзю-сихоу бежал с младенцем на руках. Он положил его в траву и пошел искать пищу. Вернувшись, он увидел, что волчица кормит [младенца] молоком, а ворон с мясом в клюве летает рядом" изменены: "Хуньмо бросил в поле. Ворон летал над ним с мясом в клюве, волчица кормила его молоком" (ср. Бичурин: "Гуньмо, только что родившийся, брошен был в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком").

Есть явная погрешность и в самом тексте предания, происходящая от самого сюннуского источника информации. Военным действиям обескровленных усуней, единственный оставшийся представитель которых был воспитан при ставке шаньюя, приписывается преувеличенно большая роль в событиях, кардинально изменивших этнополитическую карту огромного региона. Исследовавший этот рассказ Д. Шинор пишет: "Изучение истории усуней преподносит, видимо, больше проблем, чем решений" [Sinor, 1982, с. 239]. Тем не менее, рассказ Чжан Цяня мож-

но считать ценным и единственным источником неханьского происхождения для изучения столь темного периода истории Центральной Азии.

Юэцжи

Китайская транскрипция С5845, 11435 юэцжи ($<^*ngiwa-ti\epsilon$) передает звучание иноязычного термина $*ci/oi/*ai$. Она имеет и смысловую нагрузку. Иероглиф С5845 юэ значит “Луна, женская сила Инь, жена, царица”. Термин юэцжи значит “род Луны”. Такое понимание иероглифов транскрипции юэцжи подтверждается постоянным эпитетом “Луна” (*санскр.* *sandā, sanda; ир.* *śah*) в имени царя государства юэцжи-купшанов Канишка [Maenchen-Helfen, 1945, с. 80]. Одна из более ранних транскрипций – С4056, 11435 нюэцжи ($<ngiwa-ti\epsilon <^*ci/oi/*ai$) “род быка”, т. е. “род двурогой (нарождающейся) луны, месяца”. Такая трактовка оправдана словами из иранского “Вендидад” (гл. XXXI): “Вэйдди, вознесись, месяц, – ты, который порождает быка!” Обозначением части этого племени в северо-восточном углу Ордоса и к северо-востоку от него было юйцжи ($<ngiwa-ti\epsilon <^*ci/oi$) “род нефрита/яшмы”, символа Луны. Эти иероглифические варианты отражают звучание *ci/oi* и содержат информацию о главной этнографической черте самого племени: это “род Луны”, т. е. Женщины-Царицы. Встречающиеся в источниках название Юэцжи го значит не только “государство Юэцжи”, но и “государство Женщины-Царицы”, *гинекократическое* государство. В этом свете показателны слова летописца: “Когда царь больших юэцжи был убит хусами (сюнну, 176 г.), царицей стала его супруга. Она покорила Даса (Бактрию) и властвовала над ней” [Бань Гу, гл. 61, с. 749, л. 16–2а].

Как сказано выше, коренные земли юэцжи находились “между горами Циньнь и Дуньхуаном”. “Округа Лянчжоу, Ганчжоу, Сучжоу, Гуачжоу, Шацжоу и другие – это земли государства Юэцжи”, – поясняется в одном из комментариев [Сыма Цянь, гл. 123, с. 1136, л. 1а]. На их юго-восточной границе

находилась область С8414, 10754 Даса ($<^*da-ya$). Иероглиф С10754 в топониме мог отражать хага [Перценберг, 1981, с. 237], поэтому допустима реконструкция чтения *da-ha*. Это название и было перенесено впоследствии на завоеванную племенами юэцжи Бактрию, Тохаристан (Даса).

В X в. на этих территориях было создано тангутское государство Си Ся, мыслившееся как обновленное государство древних даса. Оно так и называлось: Бо Гао Даса го “Белое и Высокое государство Даса (Тохар)” [Кычанов, 1968, с. 54–55]. Следовательно, в транскрипции Даса правомерно видеть исходное *Тохар*. Промей (VI, 16; здесь и ниже используется по: Stevenson, 1932) в описании торгового пути упоминает племя таур и город Тогара на окончании торгового пути в страну серов [Рерих, 1963, с. 121–122], возможно, тождественный уезду Даса [Бань Гу, гл. 286, с. 406, л. (а)]. Он находился на одноименной реке, притоке Таохэ, впадающей в Хуанхэ. Эта область вошла в состав государства Юэцжи [Лю Ймоу, 1924; Хуан Вэньби, 1950]. На востоке это нашло отражение в упоминаемом в той же части труда Промея этнониме-биноме отголоса ($<^*ot+to\sigma\sigma\alpha$; ср. хоп.-сак. Таудаката; *тиб.* *Thod-kar*). Отражая процесс передвижения юэцжи на запад, в главе XII (Согдиана. Седьмая карта Азии), он в северной части отдела Яксарта (согласно С. П. Толстову, это Кувандарья, левый приток Сырдарьи) помещает племя *яги* и тахор (*iason*), а в главе XI (Бактриана. Седьмая карта Азии) “тохары (*tochar*) – большой народ” (*кит.* *Даса*). Вопрос о тождестве бактрийских даса-тохар выяснен Г. Халуном [Налоп, 1937, с. 290]. Страбон (XI, VII, 21) писал, что Бактрия была завоевана племенами асиев, пасианов (надо: асиев, или асианов), тохоров и сакараулов (надо: сакарауков), вторгшихся со стороны Яксарта. Помпей Трог (I в. до н. э.) в выписках Юстина (I в. н. э.) завоевателями Бактрии и Согдианы называет са(ка)рауков и асианов, принадлежавших к скифским племенам. Асианы были “царями тохаров” (*reges Thosagotum Asiani*) [по: Умняков, 1940, с. 182–183]. Скифский (т. е. иранский) термин *asial* находит

соответствие в *aiān* Плиния, знавшего также племя аткаров (*attaron*) на западе от фунов и фокаров [Пьянков, 1988, с. 192].

За консультацией о правомерности чередования *-l-/-s-* в словах *asian/aiān* пиущий эти строки обратился в свое время к проф. В. И. Абасеву. В любезно присланном ответе (письмо от 18.01.59 г.) В. И. Абасев писал: “В осетинском иранскому *s* отвечает *t*: *torot* “топор” (*цр. *raṭas-*), *toron* “веревка” (*цр. *rasapa* и *taln*, название дерева (*цр. *saln-*). Стало быть, чередование *as-//ai-* для древнеиранского периода вполне допустимо и закономерно”. Это позволяет считать равнозначными термины *ot-/at-/as-/asi*, а в *aiān/asian* видеть форму множественного числа от *ai*, *asi*. Китайское обозначение *юэчжи* соответствовало *цлotosota/attosot*, оно было общим для асиев и тохар востока и запада.

Обращает на себя внимание бытование термина *аз* в тюркешское время. Тамга в виде лука Э (символ нарождающейся луны) отмечена на монетах, найденных при раскопках в Чуйской долине [Кызасов, 1960, с. 196, 209]. Точно такое же изображение имеет тамга кыргызских племен *азык* и *бугу* (“бык”). Она называлась *жаа-тамга* “лук-тамга” [Абрамзон, 1971, с. 39].

Прямых известий о системе наследования престола, отражающей состояние семьи и общины в объединении *юэчжи*, не имеется. Есть лишь сообщение, что у малых *юэчжи* названия племен даются по именам матерей [Фань Е, гл. 87, с. 1305, л. 396]. Однако постоянное присутствие “рода Солнца-Ворона” в династичном сопоставлении говорит о том, что семейная община перестала быть чисто матриархальной, она находилась в первой фазе переходного (к патриархальному) периода, когда во главе ее стояла матрона (царица), а ее супругом был не “олимпийский герой” со стороны, а представитель твердо установленного отцовского (солнечно-царского) рода. С большой степенью предположительности такое состояние общины можно определить как “сестринская”, при которой наследование ведется по линии “матрона – младшая сестра – племянница (дочь матро-

ны)” с обязательным участием традиционного отцовского рода по той же схеме, но на втором плане. Эта схема воссоздана как некоторое “антиподное” следущей и более документированной фазы, которую автор этих строк (вслед за Ю. В. Бромлеем) называет “братской семьей”, непосредственной предшественницей семьи патриархальной, о чем будет говориться ниже. Развитие производительных сил и все возрастающая (особенно военная) роль мужчины в обществе и семье привели к тому, что отцовскому роду стали тесны рамки гинекратической структуры. Конфликт был неизбежен. Как можно думать, его результатом и явилось убийство *Наньдоу-ми* и выделение асманов (*усунь*). И неизвестно, надо ли относить к числу простых сопадений тот факт, что в том же иероглифическом написании в “Хань шу” названо государство *Наньдоу* на реке Гилгит (приток Инда в Северном Пакистане), граничившее на западе с большими *юэчжи* Бактрии [Бань Гу, гл. 96а, с. 1160, л. 10а; Малавкин, 1989, с. 95–96, 294].

Усунь – современное произношение знаков С7696, 4412, которые на рубеже эр звучали **ah-smān < *asman*. *Асман* – слово иранское и значит “небо”. В летописи содержится и китайский перевод этого термина. В 107 г. до н. э. ханьский император отправил в страну *Усунь* (*Асман*) принцессу замуж за усуньского владетеля. Она была юна, а владетель стар годами. Они виделись раз-два в год, ей было скучно, и она сочинила песню, начинавшуюся словами: “Выдали меня родственники в страну *Неба* (Тянь) [Бань Гу, гл. 96б, с. 1167, л. 3а]. И второй случай. Усуньских коней (*усунь ма*) в Китае называли *небесными* конями (*тянь ма*) [Сыма Цян, гл. 123, с. 1142, л. 12а; Лидай, I, с. 42]. Птолемей (177 г.) знал племя с таким названием (*аспан*). В его время оно находилось к востоку от Ра-Воли (VI, 14).

Иероглифическая этимология знаков *у-сунь* значит “потомки Ворона”, на что обратил внимание П. Даффина [Daffina, 1969, с. 145, прим. 6]. Здесь этот персонаж важен: мифологический образ Ворона даек от обывательского. В древней Индии Во-